

СБОРНИК РАССКАЗОВ

#НЕДО_СКАЗАННОСТЬ
#НЕДО_СКАЗОЧКИ

Яна Фом

16+

Яна Эдуардовна Фомченко

#Недо_сказочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36073449

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник рассказов. Автор проведет читателя через наполненные древней магией леса и таинственные города, где живут странные создания, к звездам. А после, уставшие от космического путешествия, они вернутся в реальность. Не самую радужную, но пока закаты окрашивают стекла городских высоток золотом и кровью, в их душах теплится надежда на лучшее.

Содержание

Подружка	4
На краю лета	8
Волчица	17
Безрукая девица	20
Интервью с писателем	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Подружка

Нам по четыре года, мы с Аленкой бросаем карбид в лужу. Вернее, она бросает, а я сижу рядом и просто смотрю.

Пшшшш!

С треском разламываются белые пористые кусочки, солнце играет бликами на поверхности огромной зеленоватой лужи. Сыро и душно. Всю прошлую неделю город поливали июньские грозы, а сейчас его наконец-то начало прогревать жарким солнышком.

Бульк! Пшшшшшшш!

Аленка тогда весело рассмеялась и отпрыгнула назад, огромный кусок карбида шипел и пенился так, что мог забрызгать ее новый джинсовый комбинезончик. Кабы родители не заругали. Девчонка поскользнулась на мокром и грохнулась прямо на бутылочные осколки, такие же зеленые как и лужа.

Кровь.

Левая нога порезана чуть ниже колена. Она еще не плачет, но вот уже закричала.

Я присела рядом на корточки.

– Посиди здесь. – Шепнула ей. – Сейчас позову родителей.

Она вытирает глаза, внимательно смотрит на меня и кажется понимает что я говорю.

Бегу со всех ног. Три квартала от заброшки, рядом с которой мы играли. Много лет назад там стоял дом номер пятьдесят шесть.

Я знаю где живет Аленка, ее маму зовут тетя Света, а папы у нее нет. Зато есть бабушка Нинель Петровна, она-то как раз сейчас дома.

Подбегаю к желтой двухэтажке, во дворе пахнет жареными котлетами и кошачьей мочой.

Прячусь за угол (это такая игра) и кричу.

– Нинель Петровна! Нинель Петровна! Аленка ногу поранила!

Чувствую, как завибрировала тревогой их квартира, бабушка собирается, охает, сует распухшие к полудню ноги в стоптанные тапочки, по плотнее запахивает халат и бегом спускается по лестнице.

Я вижу, воздух пульсирует жизнью, кажется, она меня услышала. Взрослые редко видят нас, хранителей. Таких как я называют воображаемыми друзьями, домовыми или духами дворов-колодцев.

– Нинель Петровна, пойдете скорей! – Зову старушку, выкликивая из-за угла.

– Аленка, Аленушка... – Причитает она на бегу.

– Идемте скорей! – Отражаю эхом собственный голос

Подбегаю к Аленке, для надежности принимая облик большой белой волчицы. Дети говорят «собачка», а взрослые если и видят что-то, то стараются не замечать.

Сегодня бабушка отведет внучку домой, а ночью им обоим приснится кошмар.

Я не специально.

Дело в том, что иногда они начинают нас видеть.

И если наяву мы представляемся грезами, пятнами света, солнечными зайчиками, реже тенями на асфальте, то во снах мы приходим в своем темном обличьи.

А как вы думали?

Я, например – седая волчица.

Аленка до конца своих дней будет видеть во сне плохо освещенные улицы, заброшки, мою белую спину, мелькающую между вырастающих из ниоткуда зданий и тонкие капилляры жизни, пронизывающие весь город.

Старые дома, готовые к сносу пульсируют темными опухолями, новостройки как розовая кожа на пальцах младенцев, асфальт – артерии, исторический центр – сердце. Всё это наполнено алой энергией, кровью большого города.

Я буду помогать Аленке всю жизнь. Когда ей понадобится совет, во сне придет мудрая седая волчица и расскажет притчу. Я дам ей свой острый взгляд и чуткий слух. В моменты опасности, с ней будут моя звериная сила и хитрость. Когда она повзрослеет, я стану ее младшей подружкой, той, кого она сможет обнять и поплакать. Я никогда не смогу осудить ее.

Это я буду сидеть у ее смертного одра, дожидаясь подружку.

Я – Лиза.

Тридцать лет назад меня сбило машиной у дома пятьдесят шесть на Комсомольской улице. Аленка придет не скоро, но я дождусь ее и мы наконец доиграем.

На краю лета

Если хорошенько присмотреться, можно найти край у чего угодно: у горы, лодыжки, облака.

Иногда «край» значит «конец». Говорят же: «Уработался в край».

Бывает и так, что край – это начало.

Край берега реки или океана – начало почти безграничной плоскости искрящейся воды.

Мне нравится слово «край».

А ещё бывает край лета. Это что-то между краем берега и волшебным краем. Место, откуда следует прыгать с весёлым гиканьем прямо в толщу залитых солнцем дней, полных алой вишни, яркой листвы и медового света. Я тут живу.

Меня зовут Томми Маккарти, мне двенадцать.

У нас с Чаком домик на берегу. Скорее даже хижина. Одна комната, стол и две кровати.

Хотя я пару раз обмолвился в школе, что у нас огромный загородный коттедж с бассейном и каменными львами. Неделю ходил гордый, а потом пришлось сознаться. Было стыдно.

Как только у меня начинаются каникулы, Чак берет что-то вроде отпуска, и мы едем сюда, к озеру, по крайней мере на месяц. Тут здорово.

Можно удить рыбу, запускать воздушного змея, ловить

ящериц, да много чего... Главное, никто не заставляет ходить в церковь. То есть Чак мне не запрещает, я могу, если захочу, но я не хожу. Там скучно.

Раньше сюда приезжали друзья и босс Чака. С ними было весело, ходили на рыбалку, говорили о важном: о таком, о чем детям знать не положено.

О деньгах, бандитах и убийствах.

Чак – крутой мобстер, ну, или гангстер, я точно не знаю, как правильно. Он убивает людей за деньги.

Когда я рассказал об этом Бобби, моему однокласснику, тот сначала не поверил, а потом после того, как я показал ему настоящий револьвер, спросил, не страшно ли мне жить с гангстером.

Я, не задумываясь, ответил: «Не страшно ни капельки».

Но, если и вправду пораскинуть мозгами на эту тему, то становится так неудобно, что я стараюсь не делать этого.

Пословица есть такая: «Многие знания многие печали»? Так Сэм говорит.

Он Босс. Самый главный. Главнее него только президент, наверное. Но Чак уверен, что Босс круче.

А ещё Сэм говорит, что зря Чак меня взял себе, что надо было меня грохнуть.

А я вот думаю, что не зря. Ещё года три, и мы будем ходить вместе убивать людей. В банде Чака зовут «Печатная машинка», а меня, когда я получше научусь управляться с Томпсоном, будут звать Томми-ган. В честь пулемета Томп-

сона. Здорово я придумал? Эх, и наведём же мы шороху!

Или уже навели?

Я Томми-ган, мне двадцать два. Хватаю палку, это мой автомат Томпсона, и бегу, расстреливая воробьев.

Та-та-та-та!

Воробьи смотрят на меня, как на дурачка. Я Томми, мне двенадцать, и в руках у меня большая сучковатая коряга.

Бросаю ее и несусь к озеру. Чаки придет не скоро. Хотел бы я надеяться, что он вообще придет.

Пока его нет, можно не бояться выглядеть глупым и купаться нагишом. Он говорит, что так делают только деревенщины, а люди, которых остальные называют «сэр», не должны носиться с палкой наперевес и сверкать голым задом.

Так-то оно так, но сушить на себе одежду после купания совсем невесело.

Я уже у озера, раздеваюсь и несусь к воде так быстро, как только могу. Чтобы не передумать.

Вбегаю, поднимая целые веера брызг, визжу, плюхаюсь и ныряю. Потом, уже отдышавшись, медленно выхожу, отряхиваюсь, натягиваю на мокрое тело одежду и сажусь на бревно, подставляя лицо солнцу.

Я прихожу сюда каждый день и размышляю о разных словах. Вот, например, слово «край», у леса есть край, у раны, у стола, у лета... У жизни?

Есть ли край у жизни?

Теперь-то я взрослый, а когда был совсем маленьким, за-

давал глупые вопросы: больно ли умирать, страшно ли убивать, что такое смерть?

Чак просто пожимал плечами. Потом говорил, что смерть это только бизнес, и чтобы я не забивал себе голову всякой святошинской ерундой.

А я подумал и решил, что никогда не умру.

Кажется, так и случилось.

Чаки мне не отец, и он не из тех отвратительных людей, которые заводят себе мальчиков, чтобы вытворять с ними жуткие вещи. Он пристрелил моего папашу (это был просто бизнес) и взял меня к себя.

Он не должен был, Сэм был против, но Чак все равно меня взял.

Я ходил в школу для мальчиков в пригороде Чикаго, а жили мы в западной части. У меня были проблемы с грамматикой, тяжело давались времена.

Но сейчас, кажется, дело не в правописании.

Мне действительно было двадцать два, и я действительно был гангстером. Меня звали Томми-ган, и, когда я возвращался домой в маленькую съемную квартирку рядом с центром, увидел слепую старуху. Оборванная, грязная, она стояла на обочине и просила милостыню, мимо проезжали чёрные дорогие машины.

Я был убийцей и не отличался сентиментальностью. Какое тут? Руки в крови не то что по локоть, по самую шею. Сунул ей двадцатку и перетащил через дорогу.

Замарашка подняла на меня свои покрытые бельмами глаза, поправила тощенькие, выцветшие растрёпанные косы и спросила: «Милоч, чего ты хочешь?».

Наверное, предлагала себя. Меня никогда не привлекали маленькие грязные старушонки, и чёрт меня дёрнул сказать (уж верно он постарался, больше некому): «Хочу не умирать. Никогда – никогда».

И я ушел. Убежал, не оглядываясь, будто спасаясь от собственной глупости.

В сущности тогда я был юнцом, но считал себя крайне взрослым. Курил дорогие сигары, делал вид, что люблю убивать. А мне не нравилось. Никогда не нравилось. До сих пор тошнит от вида крови. От этих воспоминаний.

Потом я возомнил себя очень крутым, таким крутым, что решил отомстить за смерть отца. Я его совсем не помнил, но те, кто знал Билли Маккарти, говорили, что он был драчуном и пропойцей. Поколачивал мать до тех пор, пока та не повесилась или не утопилась. Никто не мог точно сказать, чем все закончилось, но случилось что-то нехорошее.

Кланы мафии обычно воюют между собой, подговорить людей было легко, они просто пошли и застрелили Чаки.

До последнего был в этом уверен.

О, как же мне было паршиво.

Я действительно раскаивался в содеянном и не придумал ничего лучше, чем топить свое отчаяние в крепком алкоголе.

Заперся с красоткой. Как её звали? Дженни? Джеки? Не

ВСПОМНИТЬ.

Мы пили и смеялись всю ночь

А утром кто-то постучал в дверь. Я думал – молочник.

Открыл, увидел его лицо. Да, да, это был Чаки. Я прочитал в его глазах сожаление, и мне стало стыдно.

Но ненадолго.

Грянул выстрел, и мир померк.

А потом я оказался тут.

Похоже на длинные-предлинные каникулы. Делай, что хочешь, рыбачь, купайся, запускай змеев. В домике всегда полная корзина яблок, есть хлеб и молоко. Никто не заставляет ходить в церковь, но, кажется, я скоро наберусь смелости и пойду туда. Мне не грустно, если только совсем чуть-чуть.

Взрослые не плачут, верно? Я тоже не плачу, я взрослый.

Мне было двадцать два.

А сейчас – двенадцать.

Я сижу на бревне и шурю, наблюдая сверкающую дорожку на воде. Волосы почти высохли. Тут никого нет кроме меня, змей, ящериц, озера Мичиган и солнца, которое день за днём встаёт справа.

Однажды, только однажды, я встретил тут мальчугана лет трёх, не больше. А, может, это была девчонка... Кто их, метисов, разберёт.

В тот вечер я не спеша возвращался домой, солнце садилось, насекомые гудели, шумели, стрекотали в высокой траве.

Рядом с хибарой я заметил тень и, стыдно сказать, заорал. И оно тоже завопило, закрыло голову руками и заплакало. Это был всего лишь ребёнок.

Я подбежал и стал его успокаивать, вынес яблок, стакан молока, спрашивал как зовут, рассказывал что-то забавное.

А потом прикоснулся к нему, хотел обнять, тронул за плечи и сразу всё понял.

Меня выбросило, не знаю куда, но там была ночь, домик стоял развалившийся и покрытый мхом. Только Мичиган мерцал вдалеке отражением луны.

Я отпустил ребенка.

И сказал, не знаю уж, что на меня нашло, но сказал я ему так:

– Меня зовут Томми. Томас Маккарти.

– Томми... – неуверенно повторил малыш, размазывая грязь по щеке и медленно пережёвывая яблоко. Надеюсь, я дал ему настоящее яблоко, и оно не превратится в какую-нибудь дрянь.

– Если ты вдруг когда-нибудь встретишь Чака, скажи, что я жду его здесь. Я хочу попросить прощения. Чарльз Николетти. Его все знают. Он плохой парень, но тебе ничего не сделает, не бойся. Ты понимаешь, что я говорю?

– Томми ждёт Чаки, – хруст яблока. – Томми просит прощения. Томми вёл себя плохо? – вопросительный взгляд черных глаз.

– Да, да! – я уже исходил на крик. – Томми вёл себя очень

плохо. Ты даже не можешь себе представить, как плохо. Пожалуйста! Пожалуйста!

Я сполз на колени.

– Поищи Чаки.

– Хорошо, – хруст яблока, – Поищу. Ты только сиди здесь.

А я поищу. Пока-пока. – сказал малой и побежал с холма, маша кому-то рукой.

Правду говорил мой учитель математики, дурак я, круглый дурак. Послал ребятёнка искать Чака. Куда послал? Зачем?

Не найдёт ведь. Времени много прошло.

Я умер, наверное. А Чаку уже лет пятьдесят было, когда я его... Когда он меня...

Я тут ведь многое запомнил. Как в школу ходил помню, будто вчера было, а вкус сигарет забыл начисто. Не уверен теперь, что мне бы понравилось.

Здесь время идет странно. Домой пора, солнце садится. Просидел весь день даже без удочки.

Босые ноги опускаются на прогретый чуть влажный песок. Кажется, кто-то меня зовет. Не кажется.

– Томми! То-о-о-оми!

С холма со стороны дома спускаются двое, припаркованный рядом чёрный кадиллак блестит крышей под лучами закатного солнышка. Они глядят в мою сторону, но не видят меня.

Тот, который пониже, в шляпе говорит другому: «Опоз-

дали».

Да, это же Сэм!

А второй не успокаивается, его голос дрожит, он сбегает вниз, выкликивая моё имя. Я не верю, но вскакиваю, будто бревно подо мной раскалилось.

Кричу «Я тут!», размахиваю руками и бегу вперёд, бегу так быстро, как никогда ещё не бегал.

Ещё раз кричу «Чаки! Я тут!»

Глаза щиплет, всё расплывается, сводит челюсть.

Твержу про себя «Крутые не плачут! Нет! Нет! Не плачут!» Энергично работаю локтями, это помогает бежать. Наконец мы встречаемся. Я утыкаюсь ему в живот, обнимаю. Он кладет руки мне на плечи. Сэм там сзади что-то говорит про непослушных детей.

А я рыдаю и никак не могу успокоиться.

– Ну, же, Томми. Всё хорошо, – голос Чаки. Поднимаю глаза, он постарел.

– Это ведь всё понарошку? Это ведь всё неправда?

Он улыбается, обнимает меня крепче.

– Понарошку, – говорит он.

Я делаю вид, что верю.

Почему дети знают, когда взрослые врут?

Волчица

Бег.

Мышцы горят. Радость движения переполняет и плещется искорками в глазах, растекается солью на шершавом языке, трещит электричеством на белых шкурах волков.

Снег.

Иногда он мягкий, как покрывало и блестит, сотнями тысяч звездочек, а иногда такой как сейчас. Слежавшийся, твердый, прочный. Хрустнет и лапы уходят вниз в холодную негу. Такой снег значит, что скоро весна.

Стая бежит по кромке миров. Из зимы в весну, из ночи в день, из смерти в жизнь. Они не помнят своих имен, преданно следуя за вожаком.

Метет, воеет, голосит вокруг выюга, но волки знают, волки чувствуют, что скоро весна. Снежинки, падающие на нос уже пахнут иначе, а такой плотный наст получается только из хорошо прогретого солнцем снега.

Весна.

Однозначно.

Скоро весна.

Алиса просыпаясь, открывает серые глаза.

Сейчас она больше всего хотела бы надеть цветной сарафанчик, позавтракать и пойти на пляж. Доктор строго запре-

тил ей подолгу бывать на солнце. Тусклые глаза, и бледная кожа, лишенные достаточного количества пигмента не выдерживают зноя Пуэрто-Рико.

Девушка решила именно сегодня нарушить предписание. Наскоро расчесалась, приняла душ, надела то самое, несерьезное платьице и соломенную широкополую шляпу.

Она отправилась к морю, купив по дороге фруктов, чтобы позавтракать сидя на песке и наслаждаясь шумом прибоя.

Все альбиносы имеют слабое зрение, а Алиса, в тот день еще и забыла дома темные очки.

Протяжный гудок несущегося на полной скорости грузовика застал ее прямо на середине проезжей части. Алиса пыталась успокоить задержавшийся от яркого света глаз.

Она подняла глаза.

Солнце.

Запах моря.

Грузовик.

Удар.

Вкус крови во рту.

Волки рвут добычу. Старая самка ведет стаю в атаку, раздавая команды, и сама, по мере сил участвуя в битве. Медведь еще жив, но звери уже начали трапезу.

Кто-то вцепился шатуну в загривок. Молодая волчица схватила медведя за заднюю лапу, но тут же была отброшена. Резко взвизгнула ударившись мордой о наст.

Алиса очнулась в больничной палате. Голова шумела после наркоза. На белом полу – причудливый красно-коричневый узор. Девушка пригляделась – следы лап, измазанных в медвежьей крови.

Такой сладкий запах. Зрение изменило ей, снова задержался глаз, палата стала мутной. Вокруг как на старой пленке, проявлялись белые силуэты.

Они пришли за ней.

Они её ждали.

Стая.

Сильной белой псиной Алиса прыгнула с постели и побежала из пыльного Пуэрториканского лета в белую стужу кромки.

Из жизни в смерть.

Там, когда-нибудь, наступит весна и белая молодая волчица выйдет с новым выводком из зеленеющего леса.

Из смерти в жизнь.

Безрукая девица

– Бабушка, бабушка! Расскажи про красную нитку. – девочка сидит на лавке да выдергивает на лучину остины из шерсти. В печке догорают дрова, за окном – воет вьюга.

Старуха прядет.

– А на что тебе? Замуж выйдешь, дитёв родишь, и позабудешь про нитку-то. – шамкает бабка беззубым ртом.

– Не позабуду, бабуль. Вот же она, гляди! – дитя протягивает ладошку.

– Ох ты горе моё луковое. Не знаю, правда ли, брешешь ли. Ну запоминай, внучка.

Где-то сидит себе мамка-Мокошь, да прядет красную нитку. Прядет-попрядет, узелок сделает. Снова прядь возьмется, и так до следующего узелка. Каждый узелок – девочка.

Каждая девочка – дар свыше.

Связаны девоньки красною ниточкой навек. Как поближе подойдешь – почувешь, что меньше тянет. Как подалее отойдешь, так и напружинится.

Не видать ни счастья ни радости, пока не найдешь её. Не видать доли бабьей, ни хлеба испечь, ни скотину обрядить, ни зерна посадить, ничегошеньки не получится.

Только прясть, да ткать, за травой ходить, да людей лечить, да идти по деревням, да искать её, Мокошью нареченную.

А как встретятся две девки— не разлей вода, не разбей колун, только люди охнут. Да просить придут отвести беду.

Старуха замолчала и близоруко уставилась в окно. Той же зимой бабушку снесли на погост.

А Агнешка росла, росла... Да безрукая росла, непутевая. Мамка пошлет корову доить – молоко кислое в ведре домой принесет. Будет хлеб печь – так и тесто и квашню попортит. Как такую замуж отдавать?

Вот только ткала, и вязала удивительно хорошо. Лен белый, как снежный покров, а кружева такие, что морозные узоры на окнах.

Говорила всё про красную нитку, на мизинце, но никто не видел ее. И не верил никто.

Отец Гнешку поколачивал и за дело и просто так, как под руку попадет. Кому нужна безрукая девица? Куда лишний рот сбыть?

Подросла девка, да топиться решила, раз замуж никто не берет. Утром к речке идет, слезы ручьем текут. Пришла, а не знает, что делать. В воду прыгать – страшно. Постояла, поревела, и домой поплелась.

А тут и сватушки приехали. В соседнюю деревню за кузнеца зовут. Кузнец-то вдовый, мужичина здоровый. Детей у него трое, да мамка жива еще, будет кому квашню ставить.

Родители Агнешкины подумали-подумали, и согласились. А чего тянуть? Девке уж шестнадцать, пора детей нянчить, да хозяйство обиходить. Приданное собрали, небогатое, но не хуже чем у других. Посадили Гнешу на телегу, и отпустили с миром.

А девка и рада. Значит не сбудется про красную нитку. Значит пойдет она замуж, и дитёв народит, и сложится у нее все о чем мечталось.

До деревни жениха ехать было три дня.

Захворала девушка, простудилась, а только чувствует, меньше ниточка тянет. Ближе Мокошью выбранная подружка.

Да и кобыла ногу повредила. Что делать, нужно здоровье поправлять. Марфушка-сватушка, знала одну бабу в лесу, что травой лечила. Вот и послала к ней Агнешу.

Девка по лесу идет, по дорожке протоптанной, а вечер уже, темнеет, страшно. Но сердце в груди скачет и дергается, а мизинец заныл аж. Блиско значит она. Блиско. Вот на болоте избушка показалась. Гнеша и кричать хочет, и плакать и смеяться тут же.

Умом никак повредилась со страху.

Стукнулась в дверь, а дверь-то без засова. Открылась.

Маленькая избушка оказалась, в ней девка молодая, смуглая как закопченная вся, худющая, косоньки отрезаны, а глаза черные, колдовские.

– Пришла значит.– смотрит она своими углями в самую душу.

– Пришла. Полечи меня. Захворала я в дороге.

– Ладой меня кличут. Не останешься значит. Замуж собралась.

– Не останусь.

– Садись, на лавку, горе моё. Звать-то тебя как?

– Агнешей.

Девка травы в пучках разбирает, а в глазах – омуты. Улыбается, щеки горят. Имя-то какое «Лада», а уж сама больно худа, не ладна.

– Что, не любя я тебе? Уж какая есть.– встала посреди клетки, руки в боки уперла – Смотри, Гнеша, смотри! Я ждать тебя буду! Траву тебе собрала, пей с утра, и вечером пей. А мазь в котелке– лошади колено мазать. И уходи! Уходи, не гляди на меня. А придти надумаешь, так я тут. – обессиле-но прислонилась она к печи – Денег не надо. Мокошь нас сочтет. Уходи!

Агнеша схватила травы и черепок с мазью, поклонилась в пол и побежала-побежала к телеге. Только слышала она на

бегу, как плакала и кричала Ладушка.

Пока суд да дело, решили заночевать на дороге. И девка хворая и кобыла, неча ночью ездить.

Гнеша стянула у одного из сватьев ножницы для стрижки овец, и ночью при свете тухнувшего костра резанула красную ниточку на мизинчике. На миг зажмурилась... И ничего не произошло. Острое лезвие прошло сквозь пряжу Мокоши как сквозь туман.

Очень хотелось замуж.

Чтоб семья была. Чтоб муж— каменной стеной, чтоб детки— по лавкам. Значит палец нужно отрезать. Ей, рукодельнице остаться без правого мизинца, что кузнецу без правой руки. Да и ничего, переживет она.

Приехали в кузнецов дом по утру третьего дня. Сам встречать вышел, с матерью.

Свекровка глянула, голову склонила, и прошептала: — Девка-то безрукая. Ни хлеба не испечь, ни скотину обрядить.

Агнешу как обухом по голове эти слова ударили.

Хозяйство ей показали, с детками познакомили, свадьбу через два дня назначили, а спать положили в светелке.

Ночью взяла она припрятанные ножницы и тряпицу да как резанет мизинец. Плачет, но режет. И будто слышался ей Ладушкин крик. Страшно, больно, кровь течет, голова

кружится, и душа болит, не за себя болит, за Ладу. Как там она, милая?

Хрустнула косточка, и покатились слезы.

Рубаха красна, лицо в слезах, на полу– отрезанный палец, а на правой руке нить Мокоши, оплела всё по локоть алым кружевом.

– Ой лышенько! Уходить надо! Матушка, Мокошь, встань мне на помощь! – крикнула Гнеша и как была, в рубахе побежала вон из светелки, вон из дома, вон из деревни.

По алой ниточке в лес, в избушку к своей Ладушке.

Интервью с писателем

Шоу Барни Хилла, как обычно, началось с несмешного каламбура. Зрители отбивали ладони, послушные работникам, выносящим таблички с надписями «аплодисменты».

– Гость, он же гвоздь программы, – привычно сдохмил ведущий, – выдающийся американский фантаст. Из-под его пера вышло более сорока книг.

Тут он сделал паузу, призванную обозначить всю серьезность писательского подвига, а потом, набрав воздуха в грудь, выпалил в своей фирменной манере:

– Встреча-а-а-айте! Дерек Грей!

Снова аплодисменты, на этот раз куда более оживленные, ведь Грей был действительно очень популярен. Настолько знаменит, что даже до меня дошли слухи о его таланте.

Дерек вышел, театрально поклонился, обменялся с Барни крепким рукопожатием и взгромоздился на высокий стул по типу барного. Когда зал затих, было задано несколько стандартных вопросов о семье, детях, творчестве, политических взглядах.

– Мистер Грей, читатели интересуются, каким образом к вам приходят такие кхм... Нетривиальные идеи? – ведущий подобострастно закатывал глаза, изображая преданного поклонника. Только вот гость видел его насквозь, Барни не прочел ни единого рассказа.

Дерек откашлялся, вечная простуда и тут сыграла ему на руку. Писатель заговорил таким вкрадчивым, хриплым голосом, который, он был уверен, сведет с ума телезрительниц.

– Уж не имеете ли вы ввиду, что где-то в эфире, – он взмахнул рукой, описывая этот самый несуществующий эфир, – есть некое поле идей, которые растут, множатся, плавают в первичном бульоне, а потом кто-то, может быть, даже я или вы, берет удочку и хлоп! Вылавливает эту блестящую, трепещущую жизнью мысль, бросает её на сковородку, а потом подает гостям, зажаренную до румяной хрусткой корки?

Барни состряпал заинтересованное выражение лица, прикрывая им ехидно-скучающие мысли. Дерек, жестикулируя, продолжал.

– Под сковородкой я, конечно, понимаю белый лист писчей бумаги. Мелованный, а может быть глянцевый. Впрочем, пусть это будет даже открытый файл в текстовом редакторе. Не важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.